

УДК 82

**ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС КАК ПРИМЕР
ФРАКТАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ. АНАЛИЗ ЯЗЫКА
В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ПАЛИСАНДРИЯ»**

© **Марианна Леонова** (2022), доктор философии, доцент, Гёттингенский Университет им. Георга-Августа (Germany, 37083 Goettingen, Humboldtallee 19) Marianna.Leonova-1@phil.uni-goettingen.de

Гендерный вопрос вообще и в литературном произведении в частности представляется в литературной критике и в ряде работ, посвященных гендерным ролям, как вопрос власти одного гендера (чаще всего мужского) над другим. В рамках литературного произведения эта проблема является актуальной не только на уровне темы и образов протагонистов, но также на уровне языка (семантика и морфология). В произведениях Саши Соколова, начавшего свой путь в литературе во второй половине 1960-х годов, она реализуется также на уровне темы и структуры высказывания и в игре со стиливыми элементами. При интерпретации таких постмодернистских текстов, как, например, роман Саши Соколова «Палисандрия» (1985), решение этой проблемы связывается с литературной игрой, типичной для постмодернизма. В настоящей статье показывается, что как вопрос гендера в языке, так и ответ на него в литературном произведении обусловлены той, перспективой, которая создается в рамках конкретного произведения (они не только от нее зависят, но и напрямую ею определяются). В рамках статьи рассматриваются четыре стратегии создания фрактальной перспективы на уровне языка произведения и доказывається, что эта перспектива, с одной стороны, влияет на наше восприятие амбивалентности гендерной роли, а с другой – является симптомом нашей открытости к такому восприятию.

Ключевые слова: Саша Соколов, фрактальная перспектива, гендер, постмодернизм, структура.

В творчестве Саши Соколова фрактальная перспектива¹ на уровне языка реализуется четырьмя следующими способами: 1) комплексность как тема, 2) игра со стиливыми элементами, 3) сложная структура высказывания и 4) использование особенно-

¹ К понятию «фрактальная перспектива» см.: [Leonova 2020].

стей семантики и морфологии. Реализацию комплексности в форме фрактальной структуры и фрактальной перспективы можно проиллюстрировать на примере следующей цитаты: «Имея в ту пору ясный – впоследствии замутненный бельмом – взгляд на вещи и на подобных себе, я понимал их подобность в узком, софистическом смысле. В том смысле, что все они или равны меж собою, или подобны себе самим. И, не усматривая в том никакого противоречия, отчетливо различал их внешние, да и внутренние недостатки: от грязных носков до защемления грыжи» [Соколов 2011, 467].

Указание на перспективу содержится уже в первом предложении – в нем слово «взгляд» получает две характеристики: «ясный взгляд на вещи» и «незамутненный» взгляд. С этой точки зрения устанавливается аналогия между индивидуумами, являющимися частями одной фрактальной структуры, причем аналогия не абсолютная, а относительная, так называемая «квази-аналогия». «Я» разворачивается в другое «я», подобное себе, одновременно совпадающее и не совпадающее с первым «я» и, таким образом, неоднозначное. Эта амбивалентность распространяется от точки «я» на следующую смысловую точку – «подобный», которая может рассматриваться как «равный» и как «похожий», на что и указывает повествователь. Второе значение высказывания – «похожий» – разворачивается в следующем предложении: «похожий на себя» и «похожие между собой». Эта разница активизирует имеющееся противоречие между двумя высказываниями, так как указывает на «внешнее» и «внутреннее» сходство. Внешнее основано на фиксации детали одежды («грязные носки»), внутреннее – на метафорическом обозначении внутренних процессов через упоминание физического недуга («защемление грыжи»). При этом дистанция от повествователя как наблюдателя до индивидуума как объекта наблюдения изменяется. Так как индивидуум соотносен с «я» повествователя, имеет место аналогия наблюдателя и объекта наблюдения, что приводит к фрактальной перспективе на главного героя как наблюдателя и на него же как на объект этого наблюдения. Эта перспектива реализуется в двух различных системах отсчета². На уровне высказывания получает развитие выражение «в узком, софистиче-

² О многоуровневой шкале данных см.: [Brown/Liebovitch 2010, 65–66].

ском смысле», которое становится многозначным. Семантика слова «софистический» в данном случае – «подробное объяснение»; в сочетании со словом «смысл» оно образует оппозицию к выражению «в узком смысле», тем самым активизируется значение «в особенном смысле». Но есть и третье значение слова «смысл» – «что-то подразумеваемое». В результате происходит интерференция всех трех значений, что возвращает к фрактальному значению этого выражения.

Фрактальную структуру личности протагониста, выражающуюся в поиске себя и попытках найти свое место в социуме, мы можем наблюдать на примере конфронтации стиля высказывания с переживаемой протагонистом ситуацией, которую он и отражает в высказывании: «Не губите, – одними губами воззвал я к его милосердию. Тем не менее встал и шагнул, не владея ничем в рассуждении органов передвижения и баланса. Идея – был предказнённо беспредметен. И одинок. Сердцем – гулок. И – шел. И, приблизясь, приблизился» [Соколов 2011, 467].

Главный герой использует элементы возвышенного стиля XVIII–XIX вв. – это глаголы «воззвать» и «губить», сложное построение предложения, употребление прилагательных в краткой форме, а также словообразовательных форм по старославянскому образцу. Правила стилизации обозначаются в первом предложении и распространяются на все высказывание³. Второе предложение включает в себе абсурдный смысл, являясь в то же время на семантическом уровне фрактальной структурой: «Не владея ничем в рассуждении

³ Рассматриваемый фрагмент имплицитно оппозиционен на уровне синтаксиса, маркируемую при помощи тире. Противопоставление двух синтаксически связанных друг с другом членов предложения приводит к разрушению его структуры и, как следствие, к возникновению фрактальной перспективы на высказывание. На уровне интерпретации подобная структура выполняет функцию маркирования амбивалентной позиции говорящего.

«Considered as a matter of syntactical form, however, sequence enables access to the construction of meaning, not only through the displacement and substitution of content and tropes, but through temporal and spatial relations. Bruce Smith has argue that sex and syntax go together because language articulates where body <...> becomes word» [Traub 2016, 256].

органов передвижения и баланса». В нем описываются два состояния протагониста: «бесконтрольность мыслительного процесса» и «бесконтрольность органов движения». Эти словосочетания образуют одно семантическое поле. Такая же связь возникает при обозначении ментальных процессов (слова «рассуждение» и «владеть» в значении «контролировать»). В результате формируется представление о том, что протагонист не контролирует ни мысли, ни движения, ни эмоции. Данное свойство усиливается введением слова «беспредметен» («беспредметный разговор»), что активизирует прямое значение «отсутствие объекта». Так протагонист представляется, с одной стороны, субъектом, ведущим разговор, а с другой стороны, объектом этого разговора. В этом контексте обращает на себя внимание слово «предказанно», актуализирующее семантику обреченности. При наложении контекстуального значения слова и семантических значений его частей возникает фрактальная структура, в которой семантические поля за счет контекста расширяются и взаимодействуют друг с другом.

Следующая ступень развертывания структуры – это слово «одинок», которое усиливается следующим предложением («Сердцем – гулок»), рождающим ассоциацию не столько с физиологическим, сколько со сложным эмоционально-психологическим состоянием протагониста. Воссоздается внутренний процесс, и процессуальность усиливается за счет использования глаголов «шел», «приблизься» и «приблизился». Начало каждого из предложений с союза «И» маркирует аналогию между предложениями: «И одинок», «И шёл» и «И приблизься, приблизился» – как частями одной структуры и сводит ее в одну смысловую точку.

Фрактальная перспектива на протагониста находит свое отражение также в описании его половой принадлежности: «– Оригинальный анатомический случай – истинный гермафродит. И я сказал им: – О ком это вы сейчас говорили? Кто – истинный? – И он сказал мне: – Вы батенько, вы, сладенькое мое. – [...] Но – стыд! Густопсовый и муторный, он сковал мне и волю, и члены. И только уничижительный лепет: – Простите, я совершенно запамятовало, – был ответом моим незнакомцу» [Соколов 2011, 504].

Слово «некто» указывает на принадлежность протагониста к «третьему» полу, что на уровне языка выражается в использовании среднего рода при обращении к протагонисту «мое сладенькое», а

также в описании им своих действий: «запомнвало»⁴. Различие между гендером действующего лица и родом, употребляемым по отношению к одушевленным существительным, приводит к изменению рода существительного с мужского на средний. Вместо обычного в подобной ситуации обращения «батенька» мы видим грамматически невозможное и несуществующее «батенько». Комический эффект достигается, с одной стороны, переносом существующего в таких славянских языках, как например, украинский и польский, вокатива в русскую языковую систему, что обеспечивает понимание сказанного, но в то же время подчеркивает его чужеродность. Такое использование грамматического рода приводит к восприятию протагониста не как субъекта действия, а как объекта, полностью зависящего от чужой воли. Таким образом, он предстает одновременно как одушевленный субъект и неодушевленный, отличный от субъекта объект действия, вследствие чего возникает фрактальная перспектива на протагониста. Промежуточная позиция, занимаемая протагонистом, становится очевидной в цитате, в которой его двуединство является темой высказывания: «Я млело и блеяло, реяло и пресмыкалось. Я бредило. Мне было утробно, приятственно. Мне было либидо. И все мои незавидные обстоятельства больше не обстояли – их цепь распалась. Я стало раскованно, свободно от всяких предубеждений, и даже тот факт, что моя двуединность открылась, не ужасал меня» [Соколов 2011, 504]. Фрактальная перспектива на гендер отражается, с одной стороны, в определении протагониста как «гермафродита», а с другой – в различных перспективах на «третий пол». Мнение, что гендер определяется точкой зрения на него, не ново. Дискуссию, за ним стоящую, определяют две крайние позиции, рассматривающие принадлежность к определенному полу как врожденное или, напротив, как приобретенное качество организма. Эта дискуссия делит ученых, занимающихся вопросами гендера, на два лагеря. Нас, однако, интересует не социальный или психологический аспект половой принадлежности, а принципиальная возможность рассмотрения подобных вопросов, даже скажем точнее: разница в подходе к половой принадлежности как объекту наблюдения. Эта

⁴ «Многозначность языка и невозможность закрепления значения на все оставшиеся времена являются основными принципами постструктурализма» [Weedon 1990, 111].

принципиальная разница в подходе делает возможным возникновение вопроса о существовании третьего пола.

Из следующей цитаты становится очевидно, что половая принадлежность является следствием точки зрения на нее: «В нашу эру общественное мнение рассматривало гермафродита как сексуально-го отщепенца, а быть таковым полагалось порочно, безнравственно, а подчас и преступно. Поэтому миллионы моих соотечественников-гермафродитов – ложных и истинных – воспитывались в том сознании, что они суть мальчики или девочки» [Соколов 2011, 505]. Гермафродит представляется как некто, находящийся вне дихотомии «мужчина-женщина», что определяет его особенное положение как «отщепенца», «грешника», посему он должен перевоспитаться и воспринять себя или как женщину, или как мужчину. Это соотнесение задумано как линейная перспектива на пол, но обнаруживает себя как фрактальная: «Они суть мальчики или девочки». Путем подчеркивания особенного положения «гермафродитов» маркируется промежуточная позиция, не обладающая конкретной привязкой к крайним точкам «мальчик» / «девочка». Эти две половые идентификации находятся в состоянии динамического равновесия, опорная точка которого выражается в союзе «или», который, с одной стороны, связывает две крайние точки: «мальчик» и «девочка», а с другой стороны, отражает неопределенность в этой дихотомии. Вся система находится в состоянии лабильного равновесия, типичного для фрактальных структур. Неустойчивость этого равновесия⁵ становится понятной из следующего примера:

«Ученое Божией милостью, П. наивно и близоруко. [...] – Дамы и господа, – обращаюсь я к ним по-латыни и щелкаю каблуками шлепанцев¹. – Господа и дамы, – повторяю я обращение по-монегаски и древне-гречески. – В сей сверкающий, припорошенный кристаллами изморози денёк разрешите мне в вашем лице благодарно поздравить наш величавый этрусский язык со всеми его удивительными склонениями и спряжениями, суффиксами и префиксами,

⁵ «Language can also reinforce gender and status differences through the use of diminutives (e.g., calling women girls) and unnecessary labelling (e.g., male nurse). At the same time, language can empower and transform by bringing cultural visibility and legitimacy to experiences (e.g., sexual harassment or date rape) that were previously ignored» [Bosson / Vandello / Buckner 2018, 286].

падежами и препинаниями. – Продолжить не довелось. – Эй, старухо! – развязно крикнул кто-то из аудитории. – Кончай баланду травить!¹ Единственная моя пара сапог за систематическое непослушание и ряд самовольных отлучек получила выговор с занесением в послужную скрижаль и находилась под домашним арестом, приказ о котором подписан был лично мною» [Соколов 2011, 508–509].

Предлагается фрактальная перспектива как на говорящего, так и на высказывание в целом. Перспектива на высказывание реализуется в замечании, что одна и та же информация дается на трех языках. При этом высказывание дается на русском языке, что приводит к тому, что читатель затрудняется определить, воспроизводится ли речь Палисандра в оригинале или в переводе. В теме речи формулируется метаперспектива на предложенную речь и язык, на котором она написана, что, в свою очередь, изменяет перспективу на предложенное высказывание. Эта перспектива интерферирует с реакцией публики на речь Палисандра: «Кончай баланду травить». В результате мы имеем фрактальную перспективу на говорящего, возникающую как следствие интерференции перспективы слушателя и перспективы Палисандра на себя как «ученое божьей милостью», что подчеркивается изменением мужского рода на средний в слове «ученый». Это изменение акцентуирует образование существительного от прилагательного «ученый» и смещает семантику. Другую точку зрения предлагает определение протагониста как «старухо», в котором женский род опять же изменяется на средний. Так протагонист предстает пред нами как «некто» – ни ученый, ни старуха, при этом семантическая точка «некто» является исходной точкой рассмотрения. Характерно в этом отношении предложение: «Мне сделалось остранённо. Однако я быстро взяло себя в руки и не только, что не откликнулось, но даже и голову не повернуло» [Соколов 2011, 519]. Протагонист не может себя идентифицировать, что выражается грамматически. Паратекст, оформленный как сноска, меняет восприятие ситуации, так как приводит к слову перспективы. Субъект и объект повествования меняются местами: «...единственная моя пара сапог за систематическое непослушание и ряд самовольных отлучек получила выговор». С одной стороны, сапоги становятся благодаря персонификации субъектом действия, обладающим собственной волей («самовольно»), с другой стороны, подчеркивается их пассивная роль: «...получила выговор». Смещение перспективы в отношении «субъект/объект» приводит к тому, что

протагонист рассматривается одновременно и как субъект, и как объект.

Эту амбивалентность мы видим также в следующем примере, в котором протагонист играет как мужскую, так и женскую роль, так что не совсем понятно, к кому относится повествование, о ком оно и какую роль играет повествователь:

«Я повествовало лишь правду. – Жила была девочка с вечнозелёными, как у Луны, глазами, – начинало я повесть. Тьма наступала и миновалась. И я заканчивало: – И она была столь прекрасна, что почти не была, потому что была когда-то, в иной, невозвратной жизни. Не плачьте, сударины, – утешало я спутниц. – Пора в дорогу, светает. – И – в сторону: – И ты тоже не плачь обо мне, Россия. Не плачь, ведь тебя больше нету. Как и меня. Нас нету. Мы перешли. Отболели. И все-таки – да здравствуем мы, вечно сущие в области легенд и преданий, мы, обреченные вечной разлуке брат и сестра. – И в ответ – её ласковый, словно ля укулеле, глас – О Палисандр, брат мой!» [Соколов 2011, 520].

Главный герой в качестве рассказчика повествует о своей первой любви, причем использует для этого средний род, что маркирует его промежуточную позицию. Эта позиция находит свое воплощение в рассказе о девочке с вечнозелеными глазами, причем остается не совсем понятно, рассказывает протагонист о себе самом как о девочке или он рассказывает о какой-то девочке, в которую он когда-то был влюблен. Мы найдем в высказывании доказательства как первого, так и второго. Промежуточная позиция протагониста становится особенно очевидной, когда читатель осознает, что повествователь обращается одновременно к сестре (в данном случае Россия) и к брату (в данном случае Палисандр) и они оба являются частью протагониста, что приводит к фрактальной перспективе на гендер. Таким образом, вопрос о половой принадлежности становится вопросом о гендере, восприятие и определение которого зависят, прежде всего, от перспективы.

Источники

Соколов 2011 – Соколов С. *Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе.* СПб., 2011.

Литература

Bosson/Vandello/Buckner 2018 – Bosson J.K., Vandello J.A., Buckner C.E. *The Psychology of Sex and Gender*. Los Angeles, London, 2018.

Brown /Liebovitch 2010 – Brown C.T., Liebovitch L.S. *Fractal Analysis*. Los Angeles, London, 2010.

Feldman 2012 – Feldman D.P. *Chaos and Fractals. An Elementary Introduction*. Oxford 2012.

Frantz/Crannell 2011 – Frantz M., Crannell A. *Three-point perspective and plane geometry* // Journal of Mathematics and the Arts, 2007, 1 (4). P. 213–223.

Leonova 2020 – Leonova M. *Fraktale Perspektive. Untersuchung anhand von russischen, polnischen, ukrainischen, weißrussischen und bulgarischen Beispielen aus Prosa, Lyrik, Massenmedien und Film*. Wiesbaden, 2020.

Traub 2016 – Traub V. *Thinking Sex with the Early Moderns*. Philadelphia, 2016.

Vrobel 2011 – Vrobel S. *Fractal Time. Why a Watched Kettle Never Boils*. New Jersey, London, 2011.

Weedon 1990 – Weedon Ch. *Wissen und Erfahrung. Feministische Praxis und Poststrukturalistische Theorie, aus dem Engl. E. Hentschel*. Zürich, 1990

GENDER ISSUE AS AN EXAMPLE OF A FRACTAL PERSPECTIVE. ANALYSIS OF LANGUAGE IN SASHA SOKOLOV'S NOVEL ‚PALISANDRIA‘

© **Marianna Leonova** (2022), PD Dr. phil., Privatdozent, Georg-August-Universität, Göttingen (Germany, 37083 Goettingen, Humboldtallee 19) Marianna.Leonova-1@phil.uni-goettingen.de.

The gender issue in general and the gender issue in a literary work in particular in literary criticism and in a number of works devoted to gender roles is presented as a question of the power of one gender (most often male) over another. In a literary work, this problem is relevant not only at the level of the theme and the protagonists of the work, which follows from the very essence of the issue, but also at the level of language. At the language level, the problem of gender is reflected both at the level of vocabulary and at the level of semantics and morphology. In the works of Sasha Sokolov, we will also find it at the level of the theme and structure of the statement, as well as in the game with stylistic elements. The problem of gender in language is viewed, as a rule, as a reflection of the dominance of one gender over another, and the attempts to solve it as the elimination of such dominance. When interpreting such works of postmodernism as, for example, the novel *Palisandria*, the solution to this problem is associated with the literary game typical of the indicated era. The article shows that both the question of gender in

a language and the answer to it in a literary work are primarily a question about the perspective created within the framework of this work, directly depends on it and is determined by it. The article examines four strategies for creating a fractal perspective at the level of the language of the work and shows how this perspective not only affects our perception of gender role ambivalence, but is also a symptom of our openness to such perception.

Keywords: Sokolov, fractal perspective, gender, postmodern, structure.

References

(Articles from Scientific Journals)

Frantz/Crannell 2011 – Frantz M., Crannell A. Three-point perspective and plane geometry // *Journal of Mathematics and the Arts*, 2007, 1 (4). pp. 213–223. (In English).

(Monographs)

Bosson/Vandello/Buckner 2018 – Bosson J. K., Vandello J.A., Buckner C. E. *The Psychology of Sex and Gender*. Los Angeles, London, 2018. (In English).

Brown /Liebovitch 2010 – Brown C.T., Liebovitch L.S. *Fractal Analysis*. Los Angeles, London, 2010. (In English).

Feldman 2012 – Feldman D.P. *Chaos and Fractals. An Elementary Introduction*. Oxford 2012. (In English).

Leonova 2020 – Leonova M. *Fraktale Perspektive. Untersuchung anhand von russischen, polnischen, ukrainischen, weißrussischen und bulgarischen Beispielen aus Prosa, Lyrik, Massenmedien und Film [Fractal perspective. Investigation based on Russian, Polish, Ukrainian, Belarusian and Bulgarian examples from prose, poetry, mass media and film]*. Wiesbaden, 2020. (In German).

Traub 2016 – Traub V. *Thinking Sex with the Early Moderns*. Philadelphia, 2016. (In English)

Vrobel 2011 – Vrobel S. *Fractal Time. Why a Watched Kettle Never Boils*. New Jersey, London, 2011. (In English).

Weedon 1990 – Weedon Ch. *Wissen und Erfahrung. Feministische Praxis und Poststrukturalistische Theorie, aus dem Engl. E. Hentschel [Knowledge and experience. Feminist Practice and Poststructural Theory, from Engl. E. Hentschel]*. Zürich, 1990. (In English).

Поступила в редакцию 20.01.2022